

УДК 808.1

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНый ШАТЕР»

В. С. Вуколова, И. М. Попова

*ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов*

Рецензент д-р филол. наук, профессор Л. Е. Хворова

Ключевые слова и фразы: интертекст; культурные отсылки; литературные и библейские реминисценции; филологический роман; функциональность аллюзии.

Аннотация: Проанализирован широкий литературный фон романа Л. Улицкой «Зеленый шатер», выявлены функции интертекста произведения, такие как характеристика образов, выражение авторской позиции, определение концептуального смысла романа и значимости интертекста литературных биографий русских писателей.

Интертекстуальный фон романа Людмилы Евгеньевны Улицкой «Зеленый шатер» [1] поистине всеобъемлющий, что, как правило, свойственно филологическому роману («Пушкинский дом» Андрея Битова). На философско-содержательном и структурно-поэтическом уровнях произведение Улицкой буквально пронизано литературно-художественными интертекстами.

Современные авторы, вводя литературные аллюзии, пытаются разрушить «всякие читательские ожидания, поскольку одной из их задач является полемика с обывательским, поверхностно-стереотипным восприятием литературы» [2]. При этом происходит «остранение» литературных образов-стереотипов, например, в произведениях Л. Петрушевской, Т. Толстой. Подобное разрушение шаблонного представления не только о герое, но и о писателях и поэтах происходит также во многих произведениях Л. Улицкой. Аппелируя к известным литературным образам или биографиям русских поэтов, автор «Зеленого шатра» заставляет по-новому взглянуть на них, разрушая «хрестоматийный глянец».

Вуколова Варвара Сергеевна – аспирант кафедры «Русская филология»; Попова Ирина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология», e-mail: kafedraruss@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

Филологический роман отличают: многочисленные литературные отсылки, составляющие его важный элемент; связь с литературой основных персонажей произведения; в этой жанровой разновидности романа присутствует особая энергетика: «авторская эмоция практически нигде не выражается явным образом..., а прорывается мощным энергетическим всплеском» [3, с. 305].

В «Зеленом шатре» все персонажи буквально «живут» русской литературой. Главные герои романа – «Люрсы», члены общества «Любителей русской словесности». Они остро чувствуют, что «поэт в России больше, чем поэт», что «не было другого такого времени в России, ни до, ни после. Стихи, заполняя воздушное пространство, сами становились воздухом. Возможно, как сказал поэт, «ворованным» [1]. Основная идея романа – противостояние тоталитарной системе власти Словом. И все главные герои, так или иначе причастные к русской литературе, борются за «свободное парящее слово» и гибнут, сохраняя, распространяя, или «добывая» произведения «потаенной» литературы.

Для Ильи Исаевича Брянского, например, самиздат стал не только главным увлечением жизни, основным заработком, но и судьбой. Он уверен: «Высшее предназначение поэта, как оказалось, – не Нобелевская премия, а эти шелестящие, переписанные на машинке и ручным способом листочки, с ошибками, опечатками, еле различимым шрифтом: Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Солженицын, Бродский, наконец» [1, с. 141].

Для Саши Стеклова – русская литература – это путь понимания мира и себя в нем, определение своего предназначения. Для Михи Меламида – поэзия – Голгофа, его творческая жизнь, жертвенность и любовь до смерти.

Основная идея романа закодирована в литературном эпиграфе, представляющем собой отрывок письма Б. Пастернака к В. Шаламову от 9 июля 1952 года. В цитате утверждается недостаточность пассивной позиции по отношению к тоталитаризму, содержится призыв к искоренению его трагических последствий («не утешайтесь неправотою времени», «его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже быть человеком») [1, с. 5]. Главные герои «Зеленого шатра» выстраивают жизнь именно по этой схеме, активно участвуя в противостоянии Системе. «Неправоту времени» обнажает русская литература, в которую как в историческое бытие погружаются герои «трианона», духовного братства мальчишек, противостоящего миру «мурыгиных – митюгиных».

Отдельный пласт романа составляет современная глубокая характеристика значимых произведений русской литературы XX века, которая дается на фоне основных исторических событий: трагическая гибель людей на похоронах Сталина, драматизм эпохи хрущевской оттепели, ужесточение борьбы с инакомыслием в 1970-е годы. Исторический фон романа значительно расширяется за счет ретроспекций, воспоминаний бабушек, дедушек, рассказов отцов и матерей героев.

Исследовательским авторитетом в области литературы становится для персонажей учитель Виктор Юльевич, который, «как Гулливер в стране

лилипутов, каждым своим волосом был привязан к почве русской культуры» [1, с. 75].

Школьный учитель твердил: «Литература – единственное, что помогает человеку выживать, примиряться со временем» [1, с. 76], представляя ученикам широчайшие познания русской литературы XIX и XX веков, особенно Серебряного века.

Наблюдая за развитием Люрсов, учитель развивает свою теорию имаго. Он считает, что только «взрослая особь (имаго) – совершает самостоятельные поступки и мышление». Виктор Юльевич уверен, что советские люди живут в обществе «личинки, не выросших людей, подростков, замумфлированных под взрослых» [1, с. 80]. Отсюда «государство с поврежденным рассудком» [1, с. 106].

Инициация, то есть переход во взрослые, для учителя происходит тогда, когда «от дикости и хамства юноша одновременно входил в культурное состояние, в нравственную взрослую жизнь. Но институты, образование не застраховывали от того, что образованные врачи, психологи и инженеры потом налаживали наиболее рациональную систему истребления и утилизации людей в третьем рейхе. Объем знаний не обеспечивал нравственной зрелости» [1, с. 81]. Очевидно, что им не хватало примера великой русской литературы.

Виктор Юльевич обращается от научных исследований к русской классике, перечитывая «Детство. Отрочество. Юность» Толстого, «Былое и думы» Герцена, «Детские годы Багров-внука» Аксакова. И делает вывод, «что особенно мучительно детская душа принимает полный несправедливости и жестокости мир, когда в ней пробуждается сочувствие и сострадание» [1, с. 82]. Давая анализ названных выше книг, учитель приходит к мысли, что вершина русской классической литературы – «Капитанская дочка» А.С. Пушкина: открывает дверь туда, где «пятнадцатилетний недоросль ... прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды, мосье Бопре спал пьяным сном, и батюшка выволакивал вон нерадивого, к радости крепостного дядьки Савельича» [1, с. 82]. Ведь Петруша Гринев, преодолевая жестокие испытания, сберегал, прежде всего, честь и достоинство, которые становились для него дороже жизни» [1, с. 82].

Критически воспринимал учитель значимость для русской культуры темы декабризма, очень важной и для автора романа: «Декабристы – сердце русской истории, лучшая ее легенда, страшно увлекала люрсов. Саня – потомок декабристов был равнодушен к земным корням, он цинично отверг романтическую легенду, воссозданную в стихотворении Пушкина “Во глубине сибирских руд”» [1, с. 88]. Один Миха принимал историю русской революции по-детски восторженно.

Для остальных персонажей революционные взрывы неотделимы от предательства. Виктор Юльевич цитирует книгу, изданную в Лондоне в типографии Герцена в 1862 году, «Записки декабристов: «Тяжела мысль быть обязанным благодарностью человеку, о котором имел такое худое мнение», – писал Сергей Трубецкой после допроса государем Николаем Павловичем. Предатель, единственный среди декабристов был – это капитан Майборода. Сообщается, что он «удавился, как Иуда». «История

с евангельским оттенком», – комментирует Илья, тем самым протягивая нить в библейские времена и утверждая неизменяемость грешной человеческой натуры.

В связи с этим Виктора Юльевича потрясает запрещенный роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Учитель воспринял произведение «как продолжение той русской литературы, которая казалась ему полностью завершённой и всеобъемлющей. Оказалось, что эта литература дала еще один побег, современный. Каждая строка нового романа была о том же – о мытарствах человеческой души в пределах здешнего мира, о возрастании человека, о гибели физической и победе «нравственной», словом «о творчестве и чудотворстве» жизни» [1, с. 100]. Все запрещенные издания, попавшие в руки персонажей, были профессионально проанализированы Виктором Юльевичем. Филологический анализ дополнялся эмоционально-ценностным видением произведений «триумвиратам, троицей, трианонам», каждый из которых характеризовался автором посредством поэзии. Так характеры Ильи и Оли возникают сквозь призму восприятия ими стихов В. Маяковского. Для Оли важно «сладостное чувство общности и единения! Равенство и взаимозаменяемость песчинок, и способность сливаться в единый и мощный поток, все сметающий на своем пути. И счастье быть его мелкой частицей... Любимый Владимир Владимирович! Любимый Маяковский» [1, с. 187].

Для Ильи В. Маяковский – двойственный, противоречивый: «огненный, ломкий, ветхий»: «Трибун революции – с его страхом заразы, детским фанфаронством, пожизненной любовью к женщине, причастной тайной полиции ...» [1, с. 187]. Илья любит людей бескомпромиссных, стальных, старается быть похожим на поэта в его стихах, но не хочет подражать его поведению в жизни. Увлечение Оли Маяковским носит другой оттенок. Она любит ощущать себя «мелкой частицей великого целого», как поэт-трибун.

Образ Михи накладывается на характеры персонажей Достоевского, в частности на Митю Карамазова с его трагической судьбой и желанием пострадать «за дите». Автор-повествователь подчеркивает, что у Михи талантов на первый взгляд не было, но «настоящий» его талант, полученный им от рождения, невооруженным глазом был не виден. Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безмерной, совершенно эластичной способностью к состраданию, что все прочие его качества оказывались в подчинение этой «всемирной жалости» [1, с. 418].

Не случайно Миха говорит жене (на свидании в тюрьме перед отправкой на этап) о своей вине перед всеми. «И все, что он успел ей сказать, – какая-то глупость в духе Достоевского: «перед всеми людьми за всех и за вся виноват» [1, с. 481], – поясняет Илья.

«С этим чувством он и ушел на этап: виноват, во всем виноват... перед Аленой, что оставил ее одну, перед друзьями, что не смог сделать ничего такого, что могло бы изменить положение вещей к лучшему. Перед всем миром, которому он был должен... Непостижимый, странный закон: “к чувству собственной вины склонны всегда самые невинные”» [1, с. 481], – комментирует повествователь.

В школу для глухих Миха пошел преподавать для того, чтобы донести до бедных сирот «драгоценности поэзии и прозы» [1, с. 419]. Простенькие стихи Михи напоминают примитивную речь глухонемых детей, но сравнение этого персонажа с Иосифом Бродским показывает, что это гениальный примитивизм: «Бродский еще не начал триумфального завоевания мира и не принудил его [Миху] своей длиннотышающей строкой и полнейшим презрением к этому “тик-так” и “бум-бум” приостановить бедненькое, но вдохновенное сочинительство» [1, с. 420].

Здесь Л. Улицкая, вводя интертекст судьбы известного поэта, характеризует порывы Михи к сочинительству как желание чистого сердца выразить себя: «от полноты сердца глаголят уста» [1, с. 418]. Идущий далее варьированный интертекст из Библии, намеки на чудеса, совершенные Иисусом Христом, возвышают жертвенную жизнь Михи и по отношению к его ученикам, и по отношению к семье тети Гени. Герой хочет хотя бы помочь несчастным сиротам: «Слепые пока не прозревали, глухие не слышали, глухонемые не говорили, но некоторые из них учились понемногу выговаривать слова и входили в закрытый для них мир... И какое это было счастье – вести их за руку!» [1, с. 417].

Аллюзия на Иисуса Христа подчеркивает интенцию повествователя, его желание представить своего персонажа как «вселюбивого и милосердного» человека в сопоставлении с Ильей и Саней. Ведь Илья живет только «теоретически в мире литературы», возвеличивая идею борьбы за свободу; а Миха – действует и делом, и «словом». Илья равнодушен к деятельности Михи, презрительно называет его воспитанников «глухарями».

Через евангельский интертекст Саня обвиняет Илью, что он «посадил и погубил» Миху:

«– Соблазнил. Ну, помнишь про малых сих?»

– Нет, – твердо отрекся Илья. – Мы все в совершенных летах. Что я не прав?» [1, с. 480]. Этот разговор показывает, что Миха подсознательно следует евангельской истине «Возлюби ближнего как самого себя», Саня тоже знает эту истину в теории, но занят своими переживаниями (хотя «служил» самозабвенно семье Михи), а Илья живет в основном эгоистическими порывами.

Таким образом, очевидна важность функций интертекста романа Л. Е. Улицкой «Зеленый шатер», поскольку с помощью цитат утверждается главная идея романа; характеризуются персонажи, выражается авторская позиция; обнаруживается писательская интенция; формулируется главная идея романа «Зеленый шатер»; утверждается ментальная черта русской интеллигенции – влюбленность в русское Слово и вера в его особое высокое предназначение.

Список литературы

1. Улицкая, Л. Е. Зеленый шатер : роман / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2011. – 592 с.
2. Кузьменко, О. А. Роль интертекста в рассказах М. Зощенко и Л. Петрушевской / О. А. Кузьменко // Русская литература XX – XXI веков:

проблемы теории и методологии изучения : материалы Междунар. науч. конф., 10 – 11 нояб. 2004 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М., 2004. – С. 284–287.

3. Ладохина, О. Ф. Особенности филологического романа / О. Ф. Ладохина // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : материалы Междунар. науч. конф., 10 – 11 нояб. 2004 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – М., 2004. – С. 303 – 305.

Functionality of Intertextual Context in the Novel “Green Marquee” by L. Ulitskaya

V. A. Vukolova, I. M. Popova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: allusion; cultural references; intertext; functionality; literary and biblical allusions; philological novel.

Abstract: The article analyzes broad literary background of the novel “Green marquee” by L. Ulitskaya; the functions of intertext such as characterization, expression of the author's position, definition of conceptual meaning and significance of intertext of literary biographies of Russian writers have been revealed.

© В. А. Вуколова, И. М. Попова, 2013